

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЛИК ЛАВРЫ

«Первое впечатление, каким Лавра встречает вас издалека – это сквозящая в небе стройность ее сорокасаженной колокольни и мощный благовест ее тысячепудовых колоколов, – так начал свою статью в сборнике-путеводителе «Троице-Сергиевская Лавра» 1919 года М.В. Шик (1887–1937). – Когда вы приблизитесь к воротам монастыря и увидите, как бело-розовая колокольня слишком стремительно и пышно вырастает над насупившеюся семьею бело-сизых и золотых куполов Успенского собора, строго внушающих ей превосходство своего двухвекового старшинства, вы, может быть, подосадуете, что не видите на ее месте простых контуров Ивана Великого. Но если вам посчастливится быть у Троицы не мимолетным гостем, и вы успеете вжиться в ее своеобразную красоту, если удастся любоваться колокольной откуда-нибудь из открытого поля, с лесной опушки, среди воздушного простора, на котором она просвечивает своими широкими пролетами и кажется построенной больше из воздуха, чем из камня, тогда вы почувствуете, как дружно слилась лаврская колокольня с Троицким пейзажем, и вполне примиритесь с тем, что благовест лаврских богослужений расходится по окрестности с этого величественного, хотя такого, казалось бы, и нерусского создания архитектуры второй половины XVIII столетия».

Цитируя известного толкователя богослужебного устава, Шик писал: «“Колокольный благовест не только оповещает о времени службы, но и подготавливает христиан к ней: общепризнано то благодатное действие, которое он оказывает на душу. Для отсутствующих же на богослужении он некоторым образом и заменяет последнее”... Отсюда понятны внимание и любовь, какими с древности и до сих пор окружены колокола и предназначенные для них здания – колокольни, понятно и стремление сделать колокольню высокою, чтобы благовест дальше слышался и величественнее было здание, для такой цели предназначенное.

Но лаврская колокольня производит величественное впечатление не одной своею своей высотой (41 сажень). Напротив, пропорции колонн, ваз и всей вообще орнаментировки, которою колокольня обработана снаружи, по видимому, умышленно скрадывают от глаза ее вышину; этим она выигрывает в легкости и крепче связывается с массивом окружающих построек. У лаврской колокольни мало соперниц в России по стройности и архитектурной цельности, хотя и строилась она с перерывами, тремя разными зодчими, при трех царствованиях, в течение почти трех десятилетий».

Строительство колокольни шло с 1740 по 1770 год: началось при Анне Иоанновне и закончилось при Екатерине II, но стиль барокко, в котором построена колокольня, целиком относится к эпохе Елизаветы Петровны – эпохе показного богатства и расточительства. Его виднейшим представителем был архитектор Растрелли. По его проектам построены Зимний дворец и Смольный монастырь в Петербурге, Екатерининский дворец в Царском селе. Однако колокольню в Лавре строили русские архитекторы. По первоначальному проекту петербургского архитектора И. Шумахера она должна была быть трехъярусной. Начал строительство архитектор И.Ф. Мичурин, продолжил князь Д.В. Ухтомский, а достраивали его помощники. Монастырские власти были недовольны первоначальным проектом: им хотелось, чтобы колокольня была самой высокой в России. Ухтомский также понимал, что трехъярусная колокольня не станет высотной доминантой монастыря, и при посещении Лавры императрицей Елизаветой представил на утверждение проект надстройки колокольни на два яруса. Этот проект и был осуществлен. В итоге колокольня высотой 88 метров оказалась даже выше Ивана Великого – колокольни Московского Кремля.

Для лаврской колокольни были отлиты несколько новых колоколов, в том числе Царь-колокол, самый большой в России. Часть колоколов была перенесена со старой разобранный колокольни, среди которых были

колокола, пожертвованные царем Борисом Годуновым: «Лебедь» и «Годунов».

Шик закончил статью о колокольне такими словами: «Жаль, когда исчезают плоды творчества прошедших поколений, жаль в особенности, когда исчезают такие создания, нематериализовавшиеся в вещественную оболочку, как пение или звон колокольный. Разрушенные здания оставят следы в фундаментах, которые через тысячелетия будут открыты и изучены археологами, как в Микенах или Вавилоне; исчезнувшие книги подадут о себе весть в цитатах – скольких мыслителей мы знаем только по выпискам из них, сохраненным другими авторами. Но звук колокольный, прогудев, растает в воздухе, и эхо не повторит его через века».

Опасения автора этих слов не были беспочвенными. Большинство колоколов в 1930 году были сброшены с колокольни и отправлены на переплавку. Это событие описал в своих дневниках Михаил Пришвин. Да, тогда казалось, что никогда уже не будут делать колоколов. Но вот прошли годы, и снова водружены на колокольню колокола, подобные прежним: «Первенец», «Благовестник» и «Царь-колокол». И снова далеко разносится звон с лаврской колокольни.

Рассказ о колокольне хочется закончить словами из очерка архитектора И.Е. Бондаренко (1870–1947), написанного им в 1919 году: «В красочном венке ярких лаврских зданий венчающим прекрасным цветком красуется колокольня, и откуда бы мы ни смотрели на лавру – отовсюду видно это создание, словно из фарфорового бисквита отлитое, нежное, до впечатления хрупкости, с трепетной филигранностью форм. На протяжении всего XVIII века не было другой равной колокольни».

А вот как описывал вид Лавры в 1925 году автор путеводителя по Сергиевскому историко-художественному музею А.Н. Свирин (1886–1976): «Окаймленные высокою, суровою стеною с башнями-бойницами, возвышаются среди редкой зелени, все здания бывшей лавры, возглавляемые единственной по красоте, стройной, прозрачной колокольной. Лучший вид на

бывшую лавру – со стороны юго-восточной, по дороге с вокзала, с пригорка перед спуском на базарную площадь, когда, за церквями упраздненного в 1660 году Пятницкого “на подоле” женского монастыря, встает стройная, ритмическая, уравновешенная, словно высеченная из одного куска-гиганта, многокрасочная громада с белыми стенами, красными башнями, пестрой узорчатой трапезною, белым верхом пятиглавого Успенского собора и изящной колокольной... Более сжатый вид открывается с восточной стороны (надо смотреть с Нижней улицы), – здесь массы надвратной церкви Иоанна Предтечи, Успенского собора и колокольни, сливаясь в одно целое, создают причудливую архитектурную композицию, легко вписываемую в треугольник. С западной стороны картина совершенно меняется, если смотреть из Пафнутьевского сада: здесь мощная, высокая белая стена, укрепленная контрфорсами, превращенная в жилые помещения, с живописно разбросанными разных размеров и на разной высоте окнами, напоминает постройки где-нибудь в северной Италии, расположенные на склонах гор.

Выступающая суровая квадратная башня, с висящим на громадной высоте балконом, дополняет общее впечатление, как от постройки западно-европейской, и только возвышающаяся колокольня и золотые главы соборов напоминают, что все это – близ Москвы. Построением колокольни был закончен архитектурный вид лавры, могущий поспорить с зодческой совокупностью московского Кремля».

Присмотримся же к храмам Лавры. Главы Успенского собора видны издалека. Но мы лучше увидим его, войдя в Лавру. «Из-за высоких старых лип глядят стены Успенского собора... – писал Бондаренко. – Внушительные алтарные абсиды собора дают тон окружающему пейзажу Лавры. ... Белизна этих стен приятна и в жгучий солнечный полдень, и мистически красива в сиянии лунных ночей Много красивого заключено в этих древних стенах. Обильная позолота Елизаветинского многоярусного иконостаса не раздражает глаза. Стены и своды собора покрыты росписью, насыщенной сюжетами, красивой, хотя и возобновленной, а внизу под росписью кругом

по стенам идет красивая лента словно бисером нанизанных букв вязью, рассказывающей о художниках этих фресок... В боковых приделах фрески остались неискаженными поновлениями и потому более говорящими глазу о мастерстве незатейливых и искренних художников ярославских “Д. Григорьева с товарищи”, так успешно и быстро (май–август 1684 г.) изукрасивших собор фресками».

Успенский собор был построен в XVI веке. Во имя Успения возводились главные храмы во многих русских городах. Связано это с тем, что на Руси считали Богоматерь своей покровительницей, а Успение – главный из праздников, посвященных Ей – день Ее кончины. В тот день собрались к Ее гробу все двенадцать апостолов – учеников Христа, и сам Он спустился на землю, чтобы вознести Ее душу на небо. Успенью был посвящен главный храм Владимира – древней столицы Руси. И Успенский собор в Московском Кремле итальянскому архитектору Аристотелю Фиораванти было приказано строить по образцу того владимирского собора. А Успенский собор в Троице-Сергиевом монастыре в свою очередь построили по образцу собора в Кремле. Поэтому он имеет несколько архаичный вид, то есть, кажется более древним, чем на самом деле: спокойные полукружия закомар, аркатурно-колончатый пояс Успенского собора – от XII века. Собор – выстроен строго и точно, как по линейке. Он торжественен и холоден. Это эпоха Ивана Грозного с его идеями сильной государственной власти и жестокого отношения к людям. Дух эпохи, в которую создан храм, лучше всего можно ощутить, если посмотреть на его северную сторону, представив к тому же, что купола раньше были крыты лемехом, то есть, осиновыми дощечками. Сейчас сияющий золотом большой центральный купол, четыре голубых главы с золотыми звездами, пышная, в гирляндах цветов и фруктов надкладезная часовня, частично загораживающая собор с западной стороны, придают ему нарядный и даже веселый вид. «Редкая по наивно-красочной массе эта маленькая часовенка второй половины XVII века, – писал Бондаренко, – так красноречиво говорит

о той счастливой поре наших художников-строителей, когда они, после чистой архитектурной строгости форм XVI века, вкусили богатую вычурность века XVII и захвачены были той особой живописной нарядностью, какая проявилась в детализовке построек барокко, эпохи, оставившей России ряд прекрасных архитектурных творений... И так удачно приютился этот остаток барокко между двух древних созданий эпохи Грозного – Успенским собором и церковью Сошествия Святого Духа».

Если самый большой собор Лавры – Успенский собор, то самый древний – Троицкий. Он был выстроен в 1422–1423 годах – первый каменный храм монастыря. «Представим себе убогого обитателя деревенской Руси XV–XVI столетий, пришедшего из своих лесов и лачуг в Троицкий монастырь: всё для него показалось бы там необыкновенным, дивным, каким-то иным миром, полным чудес и красоты, никогда невиданной и невоображаемой. Троицкий собор из тесаного белого камня в то время, среди почти исключительно деревянных построек Московской Руси, был редкостью и прекрасным архитектурным образчиком; расписан он был внутри, по довольно достоверному сказанию, величайшим мастером, преподобным Андреем Рублевым совместно с Даниилом Черным; в иконостасе находится икона Святой Троицы кисти того же Рублева, совершенно исключительная и единственная, вершина художественного богомыслия». Так писал в 1919 году один из членов Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры, П.Н. Каптерев (1889–1955).

Троицкий собор был выстроен из белого камня – мячковского известняка. Его летом заготавливали в каменоломнях, находившихся к югу от Москвы, близ села Мячково, на берегу реки Пахры, а зимой глыбами везли по санному пути. Уже на месте тесали из глыб блоки, наносили резьбу – мягкий белый известняк легко поддается обработке. Несмотря на небольшие размеры, Троицкий собор производит величественное впечатление. Его форма близка к кубической, стены украшены резным поясом, проходящим по

середине стен и поднимающимся вверх только на абсидах. По сравнению с более древними белокаменными храмами Владимиро-Суздальской Руси Троицкий собор имеет особую форму закомар, по которым сделана кровля – килевидную. Такую же форму имеют и завершения порталов. Это характерные черты зодчества, которое называют раннемосковским. В названии «килевидные» – намек на схожесть их с очертаниями киля лодки, перевернутой вверх килем. Однако, видимо, более правильно было бы видеть в этой форме иное: их заострение – стремление к небесам, как считал князь Евгений Трубецкой (1863–1920). Это молитвенное горение. Это пламя свечи, более всего выраженное в заостренной луковичной форме глав древних русских храмов.

Кто были строители Троицкого собора, неясно. Известно, что князь Юрий Звенигородский пригласил мастеров отовсюду. Храм этот антропоморфен, то есть, похож на человека. В то время считали, что храм должен быть подобен Богу, а Бог создал человека по своему образу и подобию. Нетрудно увидеть в облике храма стилизованный образ человека, причем человека сильного – богатыря: мощное туловище перепоясано посередине, над ним возвышается почти цилиндрический барабан (раньше говорили – шея), заканчивается храм главой со шлемовидным покрытием. Стоит еще напомнить, что очи и окна – слова одного корня.

Не в обилии украшений, не в пестрой раскраске и позолоте видели в те времена красоту. Зодчие ощущали благородство пропорций, цельность облика (“стоит, яко камень”).

Как выглядел монастырь после постройки Троицкого собора? Четырехугольник потемневших от дождя бревенчатых келий, деревянная ограда, кое-где шумят деревья – и белоснежный, мощный, цельный, геометрически правильный храм, храм-богатырь. Сама его правильность, строгость и белизна напоминали верующим о заветах преподобного Сергия. Древняя стенная роспись собора не сохранилась, но иконостас дошел до нашего времени без больших изменений. Только в нижнем (местном) ряду

иконы заменены более поздними, а знаменитая «Троица» Андрея Рублева передана в Третьяковскую галерею. На ее месте находится точная копия. Нечасто удается установить автора иконы. Иконописец не ставил на ней своего имени. Но в летописи есть указание, что этот образ Троицы создал Андрей Рублев.

Икона написана на библейский сюжет. К человеку по имени Авраам явились три путника. Это были ангелы, олицетворявшие три ипостаси Бога: Бога-отца, Бога-сына и Бога-Святого духа. Обычно на иконах с этим сюжетом изображали Авраама, его жену Сару, слугу, который режет тельца, стол, заставленный угощениями. Андрей Рублев отказался от этих подробностей. Только три ангела сидят за столом, а на столе единственная чаша. Лица ангелов задумчивы. Головы их немного склонены. Они так едины, что слов им просто не надо. Тишиной, спокойствием веет от этого изображения. Светлые краски: знаменитый «голубец» Рублева, золото, розовый – создают ощущение светлой радости и чистоты.

«Торжество той религиозной мысли, которая одинаково одушевляла и русских подвижников, и русских иконописцев того времени, обнаруживается в особенности в одном ярком примере, – писал князь Евгений Трубецкой, – Это – престольная икона Троицкого собора Троице-Сергиевской лавры – образ Живоначальной Троицы, написанной около 1408 года знаменитым Андреем Рублевым “на похвалу” преподобному Сергию... В иконе выражена основная мысль всего иноческого служения преподобного... Это та самая мысль, которая руководила св. Сергием, когда он поставил Собор Святой Троицы в лесной пустыне, где были волки. Он молился, чтобы этот зверообразный, разделенный ненавистью мир преисполнился той любовью, которая царствует в предвечном совете Живоначальной Троицы. А Андрей Рублев явил в красках эту молитву, выразившую и печаль, и надежду святого о России. Победой прозвучала эта молитва; она вдохнула мужество в народ, для которого родная земля стала святыней. И все, что мы знаем о творчестве Андрея Рублева, показывает, что он воодушевлен этой победой».

Иконостас Троицкого собора шестиярусный. Не все иконы легко рассмотреть, особенно в верхних рядах. Наши предки тоже не все могли рассмотреть, но не стоит сетовать на это. Весь строгий облик собора, уходящий ввысь иконостас, непривычное освещение – через узкие окна в барабане – все здесь настраивает на молитву, вызывает потребность заглянуть в собственную душу, размыслить о своих грехах.

Другой храм XV века – Духовская церковь (церковь во имя сошествия Святого духа на апостолов). Построена она примерно на полвека позже Троицкого собора, на том месте, куда была перед началом его строительства перенесена деревянная Троицкая церковь. Известно, что строили ее псковские мастера. В 70-е годы XV века великий князь Московский Иван III затеял каменное строительство в Кремле. Но при постройке большого Успенского собора рухнули своды. Возможно, что за время татаро-монгольского ига московские зодчие разучились возводить большие сооружения. И князь приказал вызвать строителей из Италии и из Пскова – Псковская земля не пострадала от татаро-монгол, и строительство там не прекращалось.

Первыми прибыли итальянцы, и Успенский собор Московского Кремля выстроил Аристотель Фиораванти. А запоздавших псковичей пригласили в Троице-Сергиев монастырь и дали не совсем обычное задание: построить церковь «иже под колоколы», то есть, церковь-колокольню. Вот она и стоит в нескольких метрах к востоку от Троицкого собора. Кажется, что она выше, чем Троицкий собор, но на самом деле церкви одинаковы по высоте. Стройная и лиричная, высоко перепоясанная, как в старину подпоясывались женщины – под грудь, она похожа на девушку рядом с мужественным Троицким собором. Сложена эта церковь не из белого камня, а из большемерного кирпича и побелена. И пояс у нее не резной, а терракотовый, то есть, из обожженной глины. Обращает на себя внимание глава церкви – голубая с золотым обручем и этот вид она приобрела только в конце XVIII века. Из-за отсутствия сведений о первоначальной форме реставраторы не

тронули ее. И стоит эта церковь, как девица-краса в нарядном головном уборе.

Другие же каменные сооружения XV века – поварня и трапезная – не дошли до наших дней.

Смутное время прервало строительство в монастыре. Но уже в 1635–1638 годах были построены Больничные палаты с церковью во имя преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. Каменные двухэтажные палаты предназначались для старых, немощных монахов, для них же и церковь. Она совсем не похожа на другие храмы монастыря. Это церковь шатрового типа. Первая такая церковь была выстроена в 1532 году в селе Коломенском, загородной резиденции московских князей. А в середине XVII века патриарх Никон запретил возведение шатровых церквей, считая, что древней традиции эта форма не соответствует. А она полюбилась русским людям. И после запрета стали строить шатровые колокольни, украшать шатрами ворота, крыльца. А на севере возводили деревянные шатровые церкви – на них не было запрета. Но каменных шатровых церквей успели возвести немногим более десятка. Ведь на период от строительства первой каменной шатровой церкви до запрета Никона прошло чуть более ста лет, и на это время приходятся годы голода, войны с поляками и восстановительных работ после Смутного времени. Глядя на церковь Зосимы и Савватия, мы буквально физически ощущаем, как упруго, от одного объема к другому, нарастает движение вверх, к небу, к Богу. Если Успенский собор – это сила, как бы вобранная внутрь, ждущая своего часа, то шатровая церковь олицетворяет силу, пришедшую в движение. Как птица, поднявшая крылья, рвется она в небо. Украшенная гирляндами, поясками, кокошниками и изразцами – то квадратными, то круглыми, напоминающими драгоценные зеленые камни, – вся церковь – ликующая песнь победы. Ведь поставлена она в честь окончания героической обороны монастыря от поляков 1608–1610 годов. При взгляде на эту церковь вспоминаются слова художника и искусствоведа И.Э. Грабаря: «Чутье пропорций, понимание силуэта,

декоративный инстинкт, изобретательность форм – словом все архитектурные добродетели – встречаются на протяжении русской истории так постоянно и повсеместно, что наводят на мысль о совершенно исключительной архитектурной одаренности русского народа».

Говорят, что архитектура – зеркало эпохи. Действительно, по облику архитектурного сооружения, особенно общественного, каким является церковь, можно определить время постройки, понять, какие были в то время у людей стремления, идеалы, каков был стиль жизни. Представим себе, что в Троице-Сергиеву лавру пришел человек, который совершенно ничего не знает о русской истории. Мы показываем ему постройки в хронологическом порядке. И вот доходим до конца XVII века – до Трапезной с церковью преподобного Сергия. Настолько непохожа эта постройка на все, что человек видел раньше, что он, наверное, спросит: «Что случилось в XVII веке?». Даже 300-летнее татаро-монгольское иго не повлияло так на душу народа, а, следовательно, на облик церквей, как события XVII века. Видимо, тяжкие испытания, выпавшие на долю народа, усилили у многих стремление к богатой жизни, к украшательству. Забыты заветы Сергия, видевшего радость в добровольной бедности и постоянном труде. Белоснежны древние церкви. Белый цвет – цвет чистоты. Пестро раскрашены постройки конца XVII века. Может быть, люди хотели вознаградить себя за те лишения, что перенесли в прошлом?

Стиль конца XVII века называют московским или нарышкинским барокко. Нарышкины – богатые бояре, родственники Петра I, на деньги которых было построено много церквей в то время. А слово «барокко» происходит от португальского слова, обозначающего раковину. Не обязательно в строениях этого стиля должны быть декоративные раковины, но обычно здания стиля барокко имеют криволинейные декоративные детали. Искусствоведы в новом архитектурном стиле видят западное влияние: белорусское, украинское, итальянское, немецкое.

В стиле нарышкинского барокко выстроены в монастыре Трапезная с церковью преподобного Сергия, царские Чертоги, надвратная церковь Иоанна Предтечи и Надкладезная часовня. Трапезную, и царские Чертоги строил один и тот же архитектор Осип Старцев. Он расписал стены, как тогда говорили, «в шахмат» красной, желтой, зеленой, синей, белой краской, так что они как бы покрыты ковром. В то время на Руси впервые стали использовать оконное стекло. По сторонам больших окон архитектор расположил витые колонки, оплетенные виноградными лозами. Над окнами поместил криволинейные фронтоны, а наверху, под карнизом, – ряд больших скульптурных раковин. Такие раковины мы видим в убранстве Архангельского собора Московского Кремля, построенного итальянцем Алевизом Новым в начале XVI века. Прямоугольная в плане, с двускатной крышей Трапезная производит впечатление необыкновенно богатого и пышного строения. С ее террасы открывается великолепный вид на другие здания Лавры. Сходны с Трапезной и царские Чертоги. Дополнительным украшением их стен стали многоцветные изразцы.

Стоит присмотреться к церкви преподобного Сергия, соединенной с Трапезной. Над основным объемом, крытым четырехскатной крышей, возвышается короткий и тонкий барабан с главкой. Никакого сходства с фигурой человека, как это было в храмах XV–XVI веков, нет. Нет и стремления ввысь, как у шатровой церкви. В это время изменилось представление о храме: храм – дом Божий, монастырь – сад Божий. И храм украшают именно как дом. А виноградные лозы должны вызывать мысль о райском саде – виноградная лоза символизирует «древо райское».

Надвратная церковь Иоанна Предтечи во многом похожа на Трапезную, даже пояс крупных раковин по верху стен такой же. Окна церкви восьмигранные, венчают ее пять мелких граненых главок. Благодаря яркой окраске и сияющей позолоте глав церковь хорошо видна издали.

Митрополичьи покои, расположенные рядом с Трапезной, трудно отнести к какому-либо определенному стилю. Связано это с тем, что здание,

выстроенное, видимо, в XVI веке, неоднократно перестраивалось и получило нынешний облик в XVIII веке, благодаря чему имеет некоторое сходство с архитектурой колокольни. В том же стиле барокко выстроена была в XVIII веке маленькая Смоленская церковь, похожая больше на увеселительный павильон, какие любили в то время ставить в парках.

Весь этот городок разнообразных по времени зданий охвачен могучим каменным кольцом стен с башнями. Это не те стены, что выдержали осаду в 1608–1610 годах: в середине XVII века их высота была увеличена вдвое. А башни – их в настоящее время сохранилось 11 – все разные. При подходе к Лавре с вокзала первой бросается в глаза угловая Пятницкая башня. Эта восьмигранная башня выстроена в 1640 году на месте разрушенной взрывом во время осады и производит впечатление исключительной мощи. Если пойти от нее вдоль стены вправо, мы подойдем к Красной башне. В середине XIX века эта башня была неудачно перестроена, и ее внешний вид не столь интересен. В ней находятся Святые ворота, через которые мы попадаем в проход под церковью Иоанна Предтечи. На его стенах изображены сцены из жизни преподобного Сергия Радонежского.

Если же, не входя внутрь монастыря, пройти дальше к северу вдоль стены, мы увидим прямоугольную, как и все неугловые башни, Сушильную башню. Ее облик восстановлен при реставрации таким, какой он был в середине XVII века. Далее внимание остановит Уточья башня, одна из самых необычных по форме своего завершения. Архитектор и реставратор В.И. Балдин полагал, что верх башни повторяет верх ратуши в голландском городе Маастрихте XVII века. Исключительно нарядная Уточья башня завершается шпилем с фигуркой белокаменной утки, так как, по преданию, приезжая в монастырь, Петр I стрелял с этой башни уток на Белом пруду.

Далее мы пройдем мимо Звонковой башни, близкой по архитектуре к Сушильной, и остановимся перед башней Каличьей. Она поздней постройки – возвели ее в конце XVIII века, когда монастырь уже не имел оборонительного назначения. Башня очень стройная, по своим

архитектурным особенностям слегка напоминает колокольню, а ее шатер покрыт зеленой поливной черепицей. Очень выразительные угловые Плотничья и Водяная башни, сооруженные в середине XVII века. Они похожи друг на друга, и обе сохранили сферические кровли с фонариками, сделанные в начале XIX века. Келарская и Пивная башни на западной стене и Луковая на южной также возведены в середине XVII века и перестраивались позднее.

Когда в 1938 году началась реставрация Лавры, специалисты столкнулись с серьезными проблемами: на какой период времени ориентироваться, реставрируя то или иное сооружение. Неизбежно получалось: на каком бы времени ни остановиться, ансамбль монастыря в таком виде не существовал никогда. Ведь облик монастыря менялся на протяжении столетий: возводились новые сооружения, перестраивались и перекрашивались старые. При реставрационно-восстановительных работах наряду с большими достижениями были и потери. Архитектура многих зданий в XVIII–XIX веках была чудовищно искажена. Это относится к Троицкому собору и Духовской церкви, которые были обстроены со всех сторон, а церковь Зосимы и Савватия вместе с Больничными палатами была так замурована при перестройке Казначейского корпуса, что виден был лишь шатер храма. При устройстве в царских Чертогах Духовной академии в 1814 году были сломаны парадные крыльца, уничтожена пестрая декорация фасада и т.д. В результате реставрации большинству памятников архитектуры возвратили в той или иной степени первоначальный облик: восстановлено позакомарное покрытие храмов XV–XVI века, убраны пристройки, освобождены проемы звонницы Духовской церкви, Архитектор и реставратор В.И. Трофимов (1906–2002), осуществлявший реставрационные работы в Лавре в 1938–1951 годах, буквально высвободил из каменного мешка Больничные палаты с церковью Зосимы и Савватия.

Неоднозначным кажется решение об окраске зданий. Митрополит Платон, бывший наместником Троице-Сергиевой лавры в течение 46 лет

(1767–1812), внес большие изменения в ее облик, в частности распорядился окрасить башни в красный цвет. В середине XVII века они были белыми. Такими их и решил сделать реставратор. Известный искусствовед М.А. Ильин так писал по этому поводу: «Все мы, любящие русское искусство, хорошо знаем большую картину художника К. Юона “В Сергиевом посаде”. Посеревший снег, хмурое небо, и на этом несколько сумрачном небе потрясающая красочность идущих и едущих на санях людей, различных лавок, но особенно самого монастыря – его стен, башен, палат, глав соборов – незабываемая, такая русская картина. Но теперь, если мы остановимся на горке, откуда рисовал свою картину К. Юон, мы ничего этого не увидим. Застроили? Снесли? – Нет, ни то, ни другое. В угоду упрямству реставратора – иначе не назовешь – все побелено, все унифицировано, и сверкающее разноцветие русского национального пейзажа принесено в жертву жестокой логике. Ведь надо помнить, что архитектура со временем меняет свой облик. Серые подслеповатые срубы изб древнего Сергиева посада давно ушли в прошлое. Вокруг монастыря появились новые каменные и яркие по цвету постройки, с обликом которых гармонировала радостная многокрасочность монастыря. Теперь же побеленные стены архитектурного ансамбля, превратившиеся в результате загрязнения воздуха в серо-грязные, уничтожили красочную перспективу монастыря». Мнение М.А. Ильина о недопустимости перекраски красных башен в белый цвет разделяли И.В. Трофимов, доктор исторических наук Т.В. Николаева, в течение ряда лет возглавлявшая историко-художественный отдел Загорского музея-заповедника, художник, член Центрального совета Общества охраны памятников культуры Н.А. Пластов и др.

Прекрасным дополнением архитектурного ансамбля Лавры были церкви Пятницкого монастыря, расположенного с юго-восточной стороны Лавры. Их ярко-розовые стены с белыми украшениями и синие главки давали дополнительный звучный аккорд панораме, открывающейся при приближении к Лавре с вокзала. Самая тяжелая участь выпала при

реставрации на долю именно этих церквей. Обе они были построены в середине XVI века. Но Введенская церковь этого монастыря была полуразрушена во время осады Троице-Сергиева монастыря в начале XVII века и восстанавливалась в XVIII веке. Пятницкая церковь пострадала меньше. При реставрации у обеих церквей было восстановлены позакомарные покрытия и даже вызолочены купола, но завершение храма осталось таким, как было сделано в XVIII веке. И теперь Введенская церковь производит особенно странное впечатление: тоненький барабан заканчивается маленькой главкой, как если бы у грузного дородного человека на тоненькой шейке сидела крохотная головка. Раньше такое уродство в какой-то мере искупалось ярким цветом. Пятницкая церковь с шатровой колокольной была, должно быть, перестроена в XVII веке, и ее облик гармоничнее облика Введенской церкви. Часовня над Пятницким колодцем когда-то, видимо, составляла с этими церквями единый ансамбль. Она была возведена над родником. На ней при реставрации восстановлена кровля из лемеха – осинового теса.

Окраску колокольни в «первоначальный» бирюзовый цвет нельзя признать особенно удачной. Раньше, по словам И. Шмелева, она смотрелась издали, как розовая пасхальная свеча. Теперь, особенно в пасмурный день, она выглядит серой. Таким образом, при реставрации архитектурный ансамбль Лавры много потерял в своей живописности. Но, к счастью, у реставраторов не поднялась рука уничтожить синюю окраску глав Успенского собора и Духовской церкви и снять золотые звезды, хотя эти изменения и сделаны в XVIII веке, при митрополите Платоне, то есть гораздо позднее того времени, когда храмы были построены.

О впечатлении от Троице-Сергиева монастыря так писал Б. Шергин: «А на Маковце, всякий раз, как побываешь у него, еще много видится светлого чуда... Искусства XV, XVI, XVII, XVIII веков соединились на Маковце в некий удивительный синтез русского искусства вообще... Неожиданно с дороги открывается эта сказка... Точно виденье возникает перед тобой этот

холм, этот явленный Китеж Древней Руси... Стоишь на мосту, глазам не веришь: – Господи, да что же это?! Наяву видится или во сне чудится?!»